

УДК 821.161.1

*В.М. Нуриева***ИНДИЙСКИЙ МИФ В ПОЭМЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ «КРЫСОЛОВ»**

В статье рассматриваются образно-смысловые функции и типологические контексты индийского мифа в поэме М. Цветаевой «Крысолов»; актуальность данной проблематики определяется недостаточной степенью ее изученности в современном цветаяеведении. Новизна исследовательского подхода обусловлена предложенной в статье интерпретацией возможных генетических и типологических источников ряда ключевых мифологем, связанных с индийской темой. Основной целью исследования является анализ индийских мотивов во взаимосвязях с сюжетной логикой произведения в целом, прежде всего в парадигме образа главного героя поэмы. Автор приходит к выводу о том, что в мифопоэтической знаковой системе «Крысолова» Индия – не просто метафорическая утопия, а особое, но реальное культурно-смысловое пространство, где органично преодолеваются традиционные для европейской культуры дихотомии и противоречия – жизни и смерти, созидания и разрушения, земного и небесного, духовного и материального.

Ключевые слова: М. Цветаева, индийская мифология, типология, аллюзия, архетип, сюжет, модель, художественная система.

Парадоксом индийской темы в поэме М. Цветаевой «Крысолов» можно считать то, что фабульно она практически не актуализирована и непосредственно не связана с центральной событийной линией Крысолов – Гаммельн, но вместе с тем является одной из самых значимых для понимания сюжета; не случайно, несмотря на кажущуюся периферийность, она достаточно объемна как в образно-смысловом, так и в текстовом плане.

Исследователи творчества М. Цветаевой неоднократно обращали внимание на сюжетно-смысловые функции индийских мотивов в поэме, см., например: [11; 13; 15]. В работе Ю.С. Подлубновой «Метажанры в русской литературе 1920 – начала 1940-х годов: Коммунистическая агиография и «европейская» сказка-аллегория» [11] интерпретация темы Индии в «Крысолове» базируется на сопоставлении ее с «художественно закрепленными средневековыми представлениями об Индии как о блаженной стране несметного богатства, фантастического изобилия и диковинной флоры и фауны». Исследователь отмечает, что Индия казалась средневековому человеку страной «иноного образа жизни, где запреты уничтожены или заменены другими, где необычность порождает впечатление раскрепощения, свободы» [11. С. 119]. Подобного же мнения придерживается и Е.В. Фисковец, считая, что М. Цветаева в «Крысолове» обыгрывает идеальное, утопическое восприятие Индии как Рая, недостижимой страны-мечты [15].

Однако данные интерпретации не объясняют в полной мере связь индийской темы в поэме с образами крыс. Кроме того, возникает вопрос, почему из многих существующих метафор Рая именно «индийская утопия» оказалась у М. Цветаевой связанной с крысиным сюжетом? На наш взгляд, индийские мотивы не ограничиваются лишь отсылками к метафоре Рая, они непосредственно связаны с системой образов и с сюжетной логикой произведения в целом, в первую очередь с двумя главными центральными персонажами поэмы – Крысоловом и крысами. Анализ поэмы обнаруживает в образе Крысолова ряд мифологических параллелей, связанных с индийскими мотивами. Индийский контекст дает также возможность более развернуто объяснить мифологизированный характер образов крыс в поэме.

Связь крыс с Индией актуализируется в произведении многократно. Индийский текст поэмы насыщен знаковыми деталями, аллюзиями, символическими отсылками. Рассмотрим самые значимые из них. Так, акцентированно выделен образ Гималаев, приобретающий здесь одновременно и знаковую, и символическую функцию в качестве репрезентанта индийской утопии:

Это Гаммельн, а есть *Гималаи*:¹
Райский сад [17. Т. 3. С. 71].

Смысловая и интонационная логика этой фразы создает впечатление, что гаммельнские крысы указывают здесь на привычное и хорошо знакомое им место обитания. На уровне архетипической

¹ Курсивы здесь и далее принадлежат автору статьи, жирный шрифт – цитируемым авторам.

логики здесь прочитывается отсылка и к древним мифологическим представлениям о «генетических» связях крыс и мышей с горами: «Родителями мышей являются громовержец (или небо) и мать-земля (жена громовержца) ... Место рождения или обитания мышей и муз – гора (ср. буквальный смысл пословицы «Гора родила мышью»)» [14. С. 190].

Упоминают крысы и реку Ганга, которая берет начало в Гималаях и в индуистской традиции воспринимается, по сути, как сакральный небесный путь:

С кошками мускусные бои
На побережьях *Ганга* [17. Т. 3. С. 76].

Крысы, как видим, в своей памяти причастны к самым сакральным сферам индийского мира, внутреннее единство с ними соответственно сакрализует и самих крыс.

Аллюзийно-знаковый характер приобретает отсылка к образу индиго:

Индиго! Первый цвет!
Индия! Первый крик! [17. Т. 3. С. 81].

Индиго здесь – цветовая метафора «горней индийской синевы», образ которой звучит в поэме смысловым рефреном. Синий цвет как бы опосредует связь между небесным и земным, порождая впечатление сферически завершенного («чан», «купола»), целостного и единого в своей основе мира (синяя ночь, «синее топит»):

Индостан!
Грань из граней, страна из стран.
Синий чан
Это ночь твоя, Индостан! [17. Т. 3. С. 80].
<...>
– Пагоды купола!
– Что-то, синим-сине!
– Рисовые поля!
– Пальмовое вино! [17. Т. 3. С. 80].

Старая крыса
– Синее топит! [17. Т. 3. С. 83].

Очевидно, что Индия представляется крысам особым пространством, гармонично соединяющим в себе земное и небесное, причем сакральны здесь не только горние сферы как таковые, но и конкретная земная реальность с ее почти бытовыми атрибутами: рис, вино и т.д. Это не столько Рай в его привычном церковно-христианском понимании (как сфера чисто духовная), сколько обетованное Евангелием Царство Божие, явленное «яко на небесі и на землі» (Мф. 6: 10) [8], мир, где преодолена амбивалентная дуальность земного и небесного, духовного и телесного.

Очевидно также из контекста поэмы, что крысы воспринимают Индию не только как метафорический всеобщий Рай с его абстрактно-духовной символикой, но и как нечто конкретно значимое именно для них, как пространство их собственного «крысиного» рая, куда устремлены их мечты и помыслы. По нашему мнению, данную парадоксальную связь крыс с Индией, а не с какой-либо другой культурой может объяснить один из сюжетов индийской мифологии, в основе которого лежит предание о Карни Мата. Легенда гласит, что Карни Мата была воплощением богини Дурги – «супруги Шивы в одной из её грозных ипостасей», связанной с культом «Великой богини-матери, олицетворяющей созидательные и разрушительные силы природы» [3. С. 411]. Однажды Карни Мата попыталась вернуть к жизни умершего ребенка. Обратившись с просьбой о воскрешении пасынка к богу смерти Яме, она получила отказ. Тогда Карни Мата наложила заклятие на своих потомков, состоявшее в том, что после смерти они не войдут в царство Ямы, где обитают все души, а перевоплотятся в тела крыс [7; 16].

Почему Карни Мата выбрала именно обличие крысы для своих потомков и какова семантика данного зооморфного кода? Мышь (крыса) часто становилась объектом метафоризации и мифологизации как в Западной, так и в Восточной культуре. В «Сравнительном словаре мифологической символики в индоевропейских языках» М.М. Маковского отмечается: «В древнегреческой и древнеиндийской мифологиях говорится об особом «боге – крысе», который в равной мере сеет зло и болезни

и лечит их, спасает больных» [9. С. 227]. Кроме того, «... понятие «мышь» соотносится с понятием «Вселенная»; ср. ирл. *luch* «мышь», но др.-инд. *loka* «Вселенная» [9, С. 226]. В.Н. Топоров указывает, что мыши «соотносятся с огнём, водой, мировым деревом», «в некоторых традициях М. участвует в космогонических мифах или даже выступает в функции культурного героя» [14. С. 190].

В индийской традиции не только крысы-мыши в целом, но и крысы Карни Мата в частности рассматриваются как сакральные существа с особым культово-бытийным статусом. В XIV–XV веке был возведен храм, предназначенный для убежища всех последователей Карни Мата, перерожденных после смерти в тела крыс. Его называют восьмым чудом света, он существует в Индии и в наши дни; здесь обитают тысячи крыс, им служат и поклоняются, и храм для них является в буквальном смысле крысиным раем², а крысы, как и в поэме Цветаевой, безусловно могут назвать себя «раджами» этого рая. В главе «Увод» флейта зовет крыс в Индию, на что они отвечают:

Воздух душен, вода свежа.
Где-то каждый из нас раджа
(В смерти...)
С миром глаз смежи...

– *Этой Индии мы – раджи* [17. Т. 3. С. 85].

Существование в Индии храма, где крысы имеют королевский, даже божественный статус, позволяет воспринимать этот образ поэмы Цветаевой в качестве реализованной метафоры. Характерно, что индийский текст «Крысолова» содержит конкретную отсылку к образу храма, к которому устремлены мечты и чаяния крыс. Флейта соблазняет крыс не просто утопической мечтой метафорического рая, а также и мифологизированным образом индийского храма как особой пространственно-смысловой реальности:

Синий чан –
Это ночь твоя, Индостан.
Здесь на там
Променявший, и дай на дам,
Гамма гамм,
Восходящая прямо в храм [17. Т. 3. С.80].

Разумеется, наши параллели естественным образом порождают вопрос, насколько правомерны подобные аллюзии с точки зрения конкретных источников, лежащих в основе текста «Крысолова»? Знала ли М. Цветаева о храме Карни Мата и были ли обозначенные нами отсылки авторски осознанными? На данный момент наши поиски в этом направлении не принесли успеха, ответы на поставленные вопросы остаются перспективой дальнейших исследований, однако в общем ассоциативном-символическом контексте поэмы актуализированные здесь аллюзии представляются вполне закономерно. Мы можем также отметить и ряд других аллюзийных типологически-смысловых пересечений, которые были выявлены при сопоставлении предания о Карни Мата с поэмой М. Цветаевой. В первую очередь это мотив несправедливого изгнания героя главой селения: Карни Мата бродила со своими последователями с места на место, и однажды, когда она расположилась на ночлег в деревне Джанглу, староста деревни не разрешил ей пользоваться водой из реки, после чего ей пришлось покинуть селение и продолжить путь для того, чтобы напоить принадлежащее ей стадо коров. Крысолов, согласно сюжету поэмы Цветаевой, также был несправедливо изгнан бургомистром Гаммельна. И если Карни Мата ушла, сопровождаемая учениками-последователями и стадом коров, Крысолов в общем символическом контексте сюжета уходит, сопровождаемый сначала стаей крыс, а затем толпой школьников-детей, причем характерно, что мотив ученичества и «школы» достаточно акцентированно выделен у Цветаевой в образах гаммельнских детей, то есть можно сказать, что анималистический и «ученический» код в обоих мифологизированных сюжетах отчетливо резонируют друг с другом, так же, как и мотив изгнания. Подобным же образом резонируют и водные мотивы в данных сюжетах: оба связаны с акватической символикой, с образами реки // озера. Обнаруживаются также параллели и в последствиях того и другого изгнания, в обоих случаях актуализирован мотив справедливого наказания: Гаммельн и его бургомистр наказаны тем, что Крысолов увел детей в озеро, где

² См., напр: <http://hellotraveler.ru/indiya/interesno-znat/svyashhennye-krysy-v-hrame-karni-mata/>

они бесследно исчезли; староста селения, раскаиваясь в своем деянии, догнав Карни Мата, пытался получить ее прощение, но тут же отошел в мир иной. Отчетливыми представляются смысловые пересечения еще двух мотивов: акватического мотива с мотивом гибели ребенка. В обоих сюжетах представлены эпизоды, где дети погибают в водной стихии: пасынок Карни Мата, пытаясь напиться воды из пруда, тонет; в поэме Цветаевой дети исчезают в водах озера. Параллелизм перечисленных мотивов, с одной стороны, может быть объяснен их общеархетипическим характером, с другой – здесь отчетливы и конкретно-типологические схождения, вопрос же об осознанной ориентации Цветаевой на миф о Карни Мата, как уже было сказано выше, остается открытым.

Говоря о функциях индийских мотивов в поэме, следует также отметить связь образа главного героя с мифологемой Шивы. По мнению Г.М. Ибатуллиной, одной из составляющих в структуре образа Крысолова является архетип Шивы как олицетворение божества, чьи функции предполагают амбивалентное единство созидания – разрушения. Исследователь отмечает, что поэма М. Цветаевой «реконструирует образно-смысловые парадигмы древнейших космогонических мифов Востока и Запада, обнаруживая внутреннее родство архетипических образов Аполлона-Сминфея³ – Шивы» и дополняя этот ряд образом Крысолова. «Крысолов в Гаммельне выполняет те же функции, что и два знаковых для западно-европейской и восточно-индийской культуры божества, – функции разрушения антиутопических иллюзий создания Рая в его искусственно застывшей материальной земной форме» [4. С. 42].

В этот архетипический ряд можно вписать и мифологему Диониса. Большинство исследователей считают, что европейский Дионис тождествен Шиве. Г.М. Бонгард-Левина в работе «Древнеиндийская цивилизация» сравнивает Диониса и Шиву и находит соответствия между этими божествами: «В описании этого своеобразного «Диониса» нетрудно усмотреть Шиву. Индийская традиция постоянно именует его «правителем гор» и «властителем лозы» (лоза наводит на мысль об употреблении опьяняющих напитков); связь с растениями – тоже неотъемлемая особенность мифологического образа Шивы <...> Примечательно, что античные писатели связывали «Диониса» с горой Меру (греч. Мерос), что точно совпадает с индийским преданием (греки просто пересказали один из шиваитских сюжетов) <...> шиваиты покрывали тела разноцветными красками и использовали благовония. Шива – бог танца, и именно «Дионис», согласно Арриану, научил индийцев этому искусству. Любопытна и следующая деталь: Дионис именуется катапогон (длинноволосый), что по смыслу и по звучанию близко к одному из наиболее распространенных эпитетов Шивы – капардин. Рассказ Диодора о Дионисе, излечивающем воинов, можно сопоставить с традиционным представлением о Шиве как божественном исцелителе» [1]. Вместе с тем существует ряд ученых, которые отвергают идею тождества Диониса и Шивы. М.Д. Бухарин пишет, что некоторые из параллелей между данными персонажами «носят черты лишь сходства, но не тождества». «Так, если Дионис познакомил индийцев с различными деревьями, то Рудра-Шива был их властелином, что не одно и то же. Дионис научил индийцев земледелию, в то время как Рудра-Шива считался богом плодородия. <...> Кроме того, в том, что Дионис впервые впряг быков в плуг, совсем необязательно видеть роль Шивы как повелителя скота. Во всех этих случаях роль Шивы не совпадает с функциями «культурного героя» Диониса. <...> Рудра-Шива не отвечает всем требованиям, предъявляемым к отождествлению персонажей индийской мифологии с Дионисом, описанным в античной традиции» [2]. На наш взгляд, параллели между Дионисом и Шивой все же кажутся вполне правомерными и убедительными: несмотря на «дивергенцию» ряда фактических деталей, и Дионис, и Шива являются божествами, связанными с хтонической сферой, в противоположность соларно ориентированным классическому Аполлону и индуистскому Вишну.

О связи цветаевского Крысолова с Дионисом уже неоднократно говорилось в литературоведении. Дионисийский архетип развернуто описан в работах Ю.С. Подлубновой [11], Н.О. Осиповой [10], З.Б. Рамазановой [13], поэтому на данных параллелях мы не будем здесь детально останавливаться. Вернемся к анализу параллелей между образами Крысолова – Шивы. В цитированной выше статье Г.М. Ибатуллина называет основные черты, определяющие смысловые проекции этих образов: «Подобно Крысолову и Аполлону Шива связан с музыкой, причем, так же, как в поэме Цветаевой, и музыка, рождаемая Шивой, и его космический танец Тандава могут выполнять амбивалентные функции созидания-разрушения. Коррелирует с сюжетно-смысловой парадигмой поэмы М. Цветаевой и амбивалентность жизни-смерти в акватической символической, связанной с Шивой: благодаря ему уравновешены силы Ганги, он выпивает яд, возникший в водах Океана, у подножия Кайлаша находятся два озера с «живой» и «мертвой» водой. «Озерный» мотив аллюзийно проецирует образ Крысолова на мифологему

³ О мифологеме Аполлона-Сминфея в поэме «Крысолов» см. также: [5].

Шивы даже в большей мере, чем на аполлонический миф, так как в последнем озерная семантика не актуализирована. Аналогичная ситуация обнаруживается и с темой Греты: дочь бургомистра в поэме Цветаевой провиденциально соединена с Крысоловом, так же, как Шива неразрывно связан со своей женской полярностью – Шакти-Парвати; подобная «парность» образов не акцентирована в мифологеме Аполлона. Более того, парадоксально коррелируют между собой сюжеты судеб обеих героинь: соединение Сати – предыдущего воплощения Парвати – с Шивой возможно лишь через смерть в огне (Греты – в воде) и разрыв с отцом, правителем мира Дакшей, который исполняет лишь чисто солярно-демиургические функции и оказывается противником хтонического начала Шивы» [4. С. 42-43]. На наш взгляд, описанную образно-смысловую парадигму можно расширить, дополнив некоторыми знаковыми деталями, определяющими параллелизм мифологемы Шивы с образом Крысолова.

Так, например, среди знаковых мотивов в парадигме Шива – Крысолов следует подчеркнуть связь Шивы с мышами-крысами, хотя и в опосредованной форме: мышь // крыса является ездовым животным (ваханой) и двойником Ганеши – бога мудрости, благополучия, процветания, и, будучи спутниками Ганеши, мыши оказываются обитателями горы Кайлас – сакрального пространства Шивы. Ганеша (сын Шивы и поэтому в определенном смысле одна из его ипостасей) подобно гаммельнскому Крысолову (и Аполлону-Сминфею⁴) – покровитель и «водитель» мышей, выполняющих хтонические функции, амбивалентно связанных как с накоплением богатств, так и с их разрушением⁵.

Еще одна значимая для анализируемой парадигмы смысловая параллель связана с интерпретацией финала поэмы Цветаевой. В контекстах классической европейской культуры, в том числе и мифологической, мотив жестокости по отношению к детям, неизбежно актуализирующийся в сознании читателя «Крысолова», не всегда объясним. Исследователи находят объяснения духовно-нравственного и экзистенциального порядка: главный герой уводит детей «от тюрьмы существования, от мертвечины убивающих правил жизни» [12], потому что там, куда он их уводит – «хорошо», лучше, чем в Гаммельне: «Флейта Крысолова уводит крыс в «Индию духа», а гаммельнских детей – в «детский рай». И то и другое становится символами иного мира, несовместимого с повседневностью, благополучным бытом» [12]. Однако подобные интерпретации, хотя и вполне убедительны, не выявляют архетипических корней данного мотива, не укоренены в европейском культурном сознании и традиции. В то же время мифологическая история индуистского бога-разрушителя Шивы содержит вполне конкретный и акцентированный в смысловом отношении эпизод, актуализирующий мотив «благой жестокости» к ребенку. Шива лишает жизни своего сына-ребенка Ганешу, отрубив ему голову, когда Ганеша проявляет эгоцентрическое упрямство; с точки зрения Шивы оставить ребенка во власти земных эгоистических привязанностей – гораздо губительнее для него, чем физическая смерть. Крысолов, как и Шива, проявляет внешне видимую жестокость к детям, однако эта жестокость и в контексте индийского мифа, и в контексте поэмы Цветаевой экзистенциально оправдана и носит сакральный характер, поскольку соответствует высшей провиденциальной целесообразности – спасти души детей, а не их физические тела.

Итак, мифологема Шивы в структуре образа Крысолова поддержана целым рядом архетипических знаковых деталей и мотивов и органично вписывается в контексты индийского мифа поэмы. Анализ ее аллюзийно-символического подтекста и порождаемых им типологических ассоциаций приводит к следующим выводам. В структуре образа главного героя «эксплицируется архетипически инвариантный ряд образов: Крысолов – Аполлон-Сминфей – Шива» [4. С. 42], в этот же ряд включается архетип Диониса. Эти инварианты живут в отношениях взаиморефлексии⁶, художественно-смысловых взаимотражений и предстают как «репрезентанты амбивалентной по своей природе универсальной энергии – энергии вечного обновления жизни через циклы смертей и рождений, созидания и разрушения, благодаря чему и сохраняется солярно-хтоническое равновесие мироздания» [4. С. 43]. Аллюзийные взаимопересечения мифологемы крыс с мифом о Карни Мата позволяют воспринимать «индийский рай» в контексте поэмы более конкретно: Индия здесь – не просто абстрактная мечта и утопия, а особое, но реальное культурно-смысловое пространство, где органично преодолеваются множественные дихотомии и противоречия, традиционные для современной Цветаевой европейской культуры.

⁴ В.Н. Топоров: «В Древней Индии М. (мыши – В.Н.) связывались с Ганешей – сыном Рудры, который типологически сопоставим с Аполлоном и Асклепием» [14. С. 190].

⁵ Так, например, М.М. Маковский отмечает, что в европейской мифологии крыса является не только «вредителем», но и хранителем подземных богатств [9. С. 227].

⁶ О понятии художественной рефлексии см.: [6].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бонгард-Левин Г.М. Древнеиндийская цивилизация. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука. Восточная литература, 1993. 320 с. URL: <http://ignorik.ru/docs/bongard-levin-g-m-drevneindijskaya-civilizaciya-2-e-izd-pe.html?page=9#628192> (дата обращения: 09.08.2018)
2. Бухарин М.Д. Индийские походы Диониса и Геракла в античной литературной традиции // [Электронный ресурс]: URL: http://annales.info/india/small/ger_dion.html (дата обращения: 09.08.2018)
3. Гринцер П.Я. Дурга // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2-х т. / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1991. Т. 2. К–Я. С. 411–412.
4. Ибатуллина Г.М. Мифологема Шивы в образно-смысловых контекстах поэмы М. Цветаевой «Крысолов» // News of science and education. 2018. № 2 (1). Sheffield: Science and education LTD. С. 41–44.
5. Ибатуллина Г.М., Нуриева В.М. Мифологема Аполлона в поэме М. Цветаевой «Крысолов» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 11-2 (77). С. 21–23.
6. Ибатуллина Г.М. Художественная рефлексия в поэтике русской литературы XIX–XX веков: дис. ... докт. филол. н. Ижевск: УдГУ, 2015. 564 с.
7. Карни Мата // [Электронный ресурс]: Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 05.08.2018).
8. Евангелие от Матфея // [Электронный ресурс]: Новый завет. Синодальный перевод. От Матфея святое благовествование // URL: http://www.my-bible.info/biblio/biblija/ev_matf.html (дата обращения: 09.08.2018)
9. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. М.: Владос, 2011. 415 с.
10. Осипова Н.О. Художественный мифологизм творчества М.И. Цветаевой в историко-культурном контексте первой трети XX века: дис. ... докт. филол. н. М., 1998. 380 с.
11. Подлубнова Ю.С. Метажанры в русской литературе 1920 – начала 1940-х годов: Коммунистическая агиография и «европейская» сказка-аллегория: дис. ... канд. филол. н. Екатеринбург, 2005. 219 с.
12. Полехина М.М. Художественные искания в русской поэзии первой трети XX века (М. Цветаева и В. Маяковский. Художественная космогония) // То же: [Электронный ресурс]: URL: <http://www.disscat.com/content/russkaya-poeziya-pervoi-treti-xx-v-khudozhestvennaya-kosmogoniya-m-tsvetaeva-i-v-mayakovskii> (дата обращения: 09.09.2018)
13. Рамазанова З.Б. Сагирические и лирические герои поэмы Марины Цветаевой «Крысолов»: дис. ... канд. филол. н. Махачкала, 2006. 153 с.
14. Топоров В.Н. Мышь // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2-х т. / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1991. Т. 2. К–Я. С. 190.
15. Фисковец Е.В. Образ Индии в русской литературе: между реальностью и мечтой: дис. ... канд. филол. н. Петрозаводск, 2011. 208 с. // То же: [Электронный ресурс]: URL: <http://www.disscat.com/content/obraz-indii-v-russkoi-literature> (дата обращения: 09.08.2018)
16. Храм крыс в Индии // Мир знаний [Электронный ресурс]: URL: <http://mir-znaniy.com/hram-kryis-v-indii> (дата обращения: 09.08.2018)
17. Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 т. / сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. М.: Эллис Лак, 1994.

Поступила в редакцию 22.10.2018

Нуриева Вилена Маратовна, аспирант
Стерлитамакский филиал ГОУ ВО «Башкирский государственный университет»
453103, Россия, г. Стерлитамак, просп. Ленина, 49
E-mail: vilena5555@mail.ru

V.M. Nurieva**THE INDIAN MYTH IN THE POEM BY M. CZVETAEVA "THE RATCATCHER"**

The article considers figurative and semantic functions and typological contexts of the Indian myth in the poem by M. Czvetavaeva "The Ratcatcher"; the actuality of this problem is defined by the incomplete degree of its study in modern Czvetavaeva's science. The novelty of the scientific research method is due to the interpretation proposed in the article of possible genetic and typological sources of a number of key mythology associated with the Indian theme. The main objective of the study is to analyze Indian motifs in interrelation of the story logic of the work as a whole, primarily in the paradigm of the image of the poem's protagonist. The author comes to a conclusion that in the mythological poetic system of the "The Ratcatcher", India is not just a metaphorical utopia, but a special, real cultural and semantic space, where traditional for European culture dichotomies and contradictions are organically overcome – life and death, creation and destruction, earthly and heavenly, spiritual and material.

Keywords: M. Czvetavaeva, Indian mythology, typology, allusion, archetype, plot, model, art system.

REFERENCES

1. Bongard-Levin G.M. Drevneindijskaya civilizaciya [Ancient Indian civilization]. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Nauka. Vostochnaya literatura, 1993. 320 s. // To zhe: [E`lektronny`j resurs]: URL: <http://ignorik.ru/docs/bongard-levin-g-m-drevneindijskaya-civilizaciya-2-e-izd-pe.html?page=9#628192> (Accessed: 09.08.2018) [In Russian].
2. Buxarin M.D. Indijskie poxody` Dionisa i Gerakla v antichnoj literaturnoj tradicii [Indian campaigns of Dionysus and Hercules in the ancient literary tradition] // [E`lektronny`j resurs]: URL: http://annales.info/india/small/ger_dion.html (Accessed: 09.08.2018) [In Russian].
3. Grincer P.Ya. Durga [Durga] // Mify` narodov mira. E`nciklopediya: V 2-h t. [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia: In 2 t.] / gl. red. S.A. Tokarev. M.: Sovetskaya e`nciklopediya, 1991. T. 2. K–Ya. S. 411-412. [In Russian].
4. Ibatullina G.M. Mifologema Shivya` v obrazno-smy`slovy`x kontekstax poe`my` M. Czvetajevoj «Kry`solov» [Mythologeme Shiva in the figurative and semantic contexts of the poem by M. Czvetajeva "The Ratcatcher"] // News of science and education. 2018. № 2 (1). Sheffield: Science and education LTD. S. 41-44. [In Russian].
5. Ibatullina G.M., Nurieva V.M. Mifologema Apollona v poe`me M. Czvetajevoj «Kry`solov» [Mythologeme of Apollo in M. Czvetajeva's poem "The Ratcatcher"] // Filologicheskie nauki. Voprosy` teorii i praktiki. 2017. № 11-2 (77). S. 21-23. [In Russian].
6. Ibatullina G.M. Xudozhestvennaya refleksiya v poe`tike russkoj literatury` XIX-XX vekov [Art Reflection in the Poetics of Russian Literature of the 19th and 20th Centuries]: diss. ... dokt. filol. n. Izhevsk: UdGU, 2015. 564 s. [In Russian].
7. Karni Mata [Carney Mata] // [E`lektronny`j resurs]: Wikipedia. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (Accessed: 05.08.2018) [In Russian].
8. Evangelie ot Matfeya [The Gospel of Matthew] // [E`lektronny`j resurs]: Novy`j zavet. Sinodal`ny`j perevod. Ot Matfeya svyatoe blagovestvovanie. URL: http://www.my-bible.info/biblio/biblija/ev_matf.html (Accessed: 09.08.2018) [In Russian].
9. Makovskij M.M. Sravnitel`ny`j slovar` mifologicheskoi simboliki v indoevropskix yazy`kax [Comparative dictionary of mythological symbols in Indo-European languages]. M.: Vldos, 2011. 415 s. [In Russian].
10. Osipova N.O. Xudozhestvenny`j mifologizm tvorcestva M.I. Czvetajevoj v istoriko-kul`turnom kontekste pervoj tretej XX veka [The artistic mythology of M.I. Czvetajeva in the historical and cultural context of the first third of the twentieth century]: diss. ... dokt. filol. n. M., 1998. 380 s. [In Russian].
11. Podlubnova Yu.S. Metazhanry` v russkoj literature 1920 – nachala 1940-x godov: Kommunisticheskaya agiografiya i «evropejskaya» skazka-allegoriya [Meta-genres in Russian literature of the 1920 – early 1940: Communist hagiography and the "European" tale-allegory]: diss. ... kand. filol. n. Ekaterinburg, 2005. 219 s. [In Russian].
12. Poxexina M.M. Xudozhestvenny`e iskaniya v russkoj poe`zii pervoj tretej XX veka (M. Czvetajeva i V. Mayakovskij. Xudozhestvennaya kosmogoniya) [Artistic search in Russian poetry of the first third of the XX century (M. Czvetajeva and V. Mayakovskij, artistic cosmogony)] // To zhe: [E`lektronny`j resurs]: URL: <http://www.dissercat.com/content/russkaya-poeziya-pervoi-tretej-xx-v-khudozhestvennaya-kosmogoniya-m-tsvetaeva-i-v-mayakovskii> (Accessed: 09.09.2018) [In Russian].
13. Ramazanova Z.B. Satiricheskie i liricheskie geroi poe`my` Mariny` Czvetajevoj «Kry`solov» [The satirical and lyrical heroes of Marina Czvetajeva's poem "The Ratcatcher"]: diss. ... k. filol. n. Maxachkala, 2006. 153 s. [In Russian].
14. Toporov V.N. My`sh` [Mouse] // Mify` narodov mira. E`nciklopediya: V 2-h t. [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia: In 2 t.] / gl. red. S.A. Tokarev. M.: Sovetskaya e`nciklopediya, 1991. T. 2. K–Ya. S. 190. [In Russian].
15. Fiskovecz E.V. Obraz Indii v russkoj literature: mezhdru real`nost`yu i mechtaj [The image of India in Russian literature: between reality and dream]: diss. ... k. filol. n. Petrozavodsk, 2011. 208 s. // To zhe: [E`lektronny`j resurs]: URL: <http://www.dissercat.com/content/obraz-indii-v-russkoi-literature> (Accessed: 09.08.2018) [In Russian].
16. Xram kry`s v Indii [Temple of rats in India] // Mir znaniy [World of knowledge]. // [E`lektronny`j resurs]: URL: <http://mir-znaniy.com/hram-kryis-v-indii> (data obrashheniya: 09.08.2018) [In Russian].
17. Czvetajeva M.I. Sobranie sochinenij: v 7 t. [Czvetajeva M.I. Collected works: 7 t.] / sost., podgot. teksta i komment. A. Saakyancz, L. Mnuxina. M.: E`llis Lak, 1994. [In Russian].

Received 22.10.2018

Nurieva V.M., postgraduate student
 Sterlitamak branch of Bashkir State University
 49, Prospect Lenina, Sterlitamak, Russia, 450103
 E-mail: vilena5555@mail.ru